Мари О
Тени в Долине Смерти
18+

Мари О

Тени в Долине Смерти

Серия «Сухой лог», книга 1

https://litres.ru/73824081
SelfPub; 2026

Аннотация

В раскалённых пустошах калифорнийской Мохаве, где тишина звенит громче любого крика, стоит умирающий городок Сэнди-Крик. Здесь, на руинах заброшенного ранчо «Сухой Лог», бывший воспитанник интерната Кэлвин Харпер собирает свою «семью». Он — харизматичный пророк, чьи проповеди о «Песне Пустыни» гипнотизируют заблудшие души, обещая им очищение от грехов прогнившего мира. Для шерифа Томаса Рида, стареющего стража закона, Кэлвин — это оживший кошмар, эхо самого известного безумца Америки. Он видит в нём не просто подражателя, а тёмное отражение Чарли Мэнсона, вернувшегося, чтобы завершить кровавый ритуал, начатый много лет назад. Когда в лапы культа попадает дочь местного жителя, а в пустыне находят брошенный автомобиль с исчезнувшим богачом, Рид понимает: на кону не просто жизни, а сама душа Мохаве. Это история о том, как детские травмы рождают монстров, как безумие становится религией. Это не просто подражание

Мэнсону — это погружение в разум человека, который мог бы стать им.

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Пыль и соль 16
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Мари О
Тени в Долине Смерти

Пролог

Мистер Грейвс наблюдал за этим со смесью ужаса и научного восторга из своего библиотечного кресла: — Ты чудовище... Настоящий маленький монстр Франкенштейна психологии...
Доктор Грейвс

В интернате «Сухой Лог» пахло сыростью, хлоркой и отчаянием. Это был запах, который въедался в кожу, волосы, саму душу. Для десятилетнего Кэлвина Харпера этот запах был единственным, что он знал о доме. Настоящего дома у него не было — только этот серый, продуваемый всеми ветрами барак в глуши калифорнийской пустыни.

Кэлвин был странным ребёнком. Слишком тихим для своего возраста, слишком наблюдательным. Он не плакал, когда его привезли сюда, бросив у ворот с одним чемоданом из картона. Мать, Долорес, даже не вышла из машины. Она просто нажала на газ, оставив после себя лишь облачко пыли и запах дешёвых духов, смешанный с перегаром.

В первую ночь Кэл лежал на скрипучей металлической кровати и смотрел в потолок. В комнате было темно и душ-

но, пахло чужим потом и страхом. В углу гудела старая чугунная печь. Для других детей это был просто источник тепла. Для Кэлвина это было живое существо.

Он слышал, как внутри потрескивают угли. Но ему казалось, что это не дерево горит, а кто-то шепчет. Тихий, сухой шёпот, похожий на шелест песка.

«Сюда... Иди сюда...»

Кэлвин встал с кровати. Пол был ледяным. Он подошёл к печи на цыпочках, боясь разбудить храпящего соседа сверху — толстого Билли, который уже успел пригрозить «новенькому» завтраком в лицо.

Кэлвин присел перед печкой на корточки. Чугунная дверца была приоткрыта. Внутри полыхал оранжевый ад. Но сквозь пламя он видел не угли. Он видел лицо. Гладкое, безносое лицо из серого песка.

«Ты слышишь Песню?» — спросил голос из печки. Он не звучал в ушах, он звучал прямо в голове.

Кэлвин кивнул.

«Я научу тебя петь её для других...»

***

Жизнь в «Сухом Логу» подчинялась строгому распорядку: подъём по свистку, безвкусная овсянка, работа в прачечной или на кухне, уроки (которые никто всерьёз не воспринимал). Но была и другая жизнь — ночная. Жизнь старших воспитанников и тех немногих младших, кто был достаточно хитёр или достаточно запуган, чтобы стать частью их «се-

мьи».

Но была и другая жизнь — ночная. Жизнь старших воспитанников и тех немногих младших, кто был достаточно хитёр или достаточно запуган, чтобы стать частью их «семьи».

Кэлвин быстро понял правила игры. Сила здесь решала всё. Физическая сила старших и психологическая — тех, кто умел манипулировать.

Его соседом по комнате был Джейк Уолш — четырнадцатилетний детина с лицом, покрытым прыщами, и мозгами ящерицы. В первую же ночь он попытался отобрать у Кэла подушку.

— Эй, сопляк! — прорычал Джейк с верхней койки. — Твоя подушка мягче моей. Давай её сюда.

Кэлвин молча смотрел на него снизу вверх. В его глазах не было страха. Там было что-то другое — холодное любопытство естествоиспытателя, изучающего редкий вид насекомого.

— Нет, — тихо сказал Кэл.

Джейк опешил от такой наглости. Он спрыгнул вниз, нависая над кроватью Кэла горой потной плоти.

— Что ты сказал? Повтори!

Кэлвин сел на кровати. Он был маленьким и щуплым, но в тот момент он казался выше Джейка.

— Я сказал «нет». Если ты её возьмёшь, я расскажу мистеру Грейвсу, что это ты украл деньги из его стола в прошлом месяце.

Джейк замер. Его лицо побледнело под слоем грязи.

— Ты... ты врёшь! Откуда ты...

— Я слышал, как ты хвастался Слимом у котельной, — спокойно перебил его Кэлвин. — И я знаю комбинацию сейфа в кабинете директора. Мистер Грейвс записал её на бумажке и спрятал под настольными часами.

Джейк сглотнул.

— Ты псих...

— Нет, — Кэлвин улыбнулся своей первой взрослой улыбкой — кривой и понимающей. — Я просто наблюдательный. А ты... ты глупый и жадный. Мистер Грейвс не любит глупых и жадных людей.

Он протянул Джейку руку:

— Мы можем быть полезны друг другу. Ты будешь меня защищать от других парней. А я буду решать проблемы с воспитателями так, чтобы они тебя не трогали.

Джейк посмотрел на протянутую руку, потом в глаза Кэла... и увидел там ту самую пустоту, которую позже увидит шериф Рид много лет спустя. Ему стало страшно по-настоящему.

Он молча забрался на свою койку и отвернулся к стене.

С того дня никто не трогал Кэлвина Харпера.

***

Настоящим другом Кэла стал мистер Грейвс — пожилой библиотекарь интерната. Это был худой, сутулый человек с водянистыми глазами и руками, вечно пахнущими книжной

пылью и старой бумагой.

Мистер Грейвс был единственным взрослым в «Сухом Логе», который относился к детям не как к скоту или преступникам, а как к материалу для чтения. Он видел в них сюжеты.

Кэлвин нашёл его однажды вечером в библиотеке — крошечной комнате с одним окном и стеллажами до потолка.

— Что ты здесь делаешь? — спросил мистер Грейвс, не отрываясь от книги по психологии масс.

— Читаю, сэр, — ответил Кэлвин вежливо.

Грейвс поднял глаза и внимательно посмотрел на мальчика поверх очков.

— Врешь. Здесь нечего читать десятилетним детям. Детективы про Нэнси Дрю? Комиксы?

Кэлвин подошёл к полке и безошибочно вытащил толстый том в кожаном переплёте: Густав Лебон, «Психология народов и масс».

— Я читаю это, сэр.

Грейвс рассмеялся — сухим, кашляющим смехом.

— Ты даже название не выговоришь, малыш.

Кэлвин открыл книгу на середине и начал читать вслух:

«В толпе сознательная личность исчезает... Чувства и идеи всех отдельных единиц... принимают одно и то же направление... Исчезновение сознательной личности и ориентирование чувств и мыслей в известном направлении... вот главные признаки...»"

Он остановился и посмотрел на библиотекаря:

«...вот главные признаки того, что происходит с человеком в массе».

Грейвс перестал смеяться. Он встал из-за стола и подошёл к мальчику так близко, что Кэлвин чувствовал запах табака от его кардигана.

— Кто ты? — спросил он тихо и серьёзно.

Кэлвин пожал плечами:

— Я Кэлвин Харпер. Меня бросила мать у ворот этого места десять дней назад.

Грейвс взял у него книгу и положил обратно на полку.

— Эта книга опасна для таких умов, как твой... пока что. Но ты прав насчёт одного: здесь есть вещи поинтереснее Лебона.

Он достал с самой верхней полки другую книгу — тонкую, в выцветшем переплёте без названия.

— Это рукопись одного старого индейца-шамана из племени чемеуэви. Он жил здесь задолго до того, как белые построили этот барак для «трудных детей». Здесь описаны ритуалы... Песни пустыни.

Он протянул книгу Кэлу:

— Только никому не говори. Если директор узнает, что я даю детям оккультную литературу...

Кэлвин взял книгу дрожащими руками (он умел имитировать дрожь очень убедительно).

— Я никому не скажу, мистер Грейвс. Обещаю.

В ту ночь он не спал до утра. Книга была написана плохим почерком на смеси английского и языка чемеуэви (перевод прилагался). В ней говорилось о духе пустыни — древнем существе из песка и соли, которое спит глубоко под землёй Мохаве. Оно жаждет «очищения» от всего фальшивого и бренного («всего лишнего», как писал шаман). Чтобы пробудить его или умилостивить, нужно петь особую Песню во время Великого Очищения (ритуального жертвоприношения).

Кэлвин читал эти строки и чувствовал знакомый шёпот из печки в своей голове.

«Вот видишь? Я же говорил...»

***

В Сэнди-Крик, где ветер гоняет перекати-поле по растрескавшемуся асфальту, как перекатывает старые кости на забытом кладбище, говорят, что зло не приходит извне. Оно прорастает изнутри, как сорняк сквозь бетон. И нет лучшего удобрения для этого сорняка, чем детские травмы. У Кэла Харпера их было в избытке. Они въелись в него, как ржавчина в старый металл, и к десяти годам от мальчишки осталась лишь оболочка, набитая солью и пылью Мохаве.

Первая травма Кэлвина была звуковой. Или, вернее, её отсутствием. В трейлере Долорес Харпер не было места для детского плача. Там царил другой саундтрек: бульканье дешёвого виски в стакане, скрип пружин продавленного дивана и бормотание телевизора, настроенного на канал с бесконечными мыльными операми. Плач Кэла был помехой. По-

меху устраняли.

Мать не подходила к его кроватке. Она просто прибавляла громкость. И в этой оглушительной тишине, нарушаемой лишь голосами выдуманных людей с экрана, маленький Кэл усвоил первый и главный урок бытия: ты один. Звук собственного голоса не вызывает эха. Он просто тонет в пустоте. Эта пустота стала его колыбельной. Он рос с ощущением, что находится на дне глубокого колодца, а весь мир — это крохотный кружок света где-то высоко-высоко, до которого не докричаться.

Когда Кэлвину было четыре года, Долорес совершила свою самую честную сделку. В тот день к их трейлеру на окраине Барстоу подъехал фургон бродячего цирка «Братья Лерой». Из него вылез мужчина с лицом, похожим на печёное яблоко, и предложил Долорес за бутылку «Джима Бима» забрать «этого спиногрыза». Она согласилась.

Кэл помнил это. Не так, как помнят взрослые — картинками и диалогами. Он помнил это чувством. Ощущением того, как его хватают чужие, пахнущие табаком и машинным маслом руки. Помнил запах пота и опилок внутри фургона. Помнил ужас, который был холоднее льда.

Но он помнил и другое: взгляд матери. В нём не было ни капли жалости или сомнения. Только трезвый расчёт: бутылка против обузы. В тот день Кэл понял цену человеческой жизни. Она равнялась цене бутылки спиртного. Он перестал быть сыном. Он стал вещью.

Семилетний Кэлвин уже знал, что его мать продаёт себя за деньги. Но знать — это одно, а видеть — совсем другое.

В тот вечер он спрятался под кроватью не от страха перед темнотой. Ему просто нужно было достать закатившийся туда стеклянный шарик — единственную свою ценность. И там, в пыльной полутьме, глядя на мир через лес свисающих одеял и покрывал, он увидел то, что навсегда исказило его восприятие любви.

Он видел ноги матери в дешёвых чулках со спущенной петлёй. Видел тяжёлые ботинки незнакомца, ритмично шаркающие по полу. Слышал влажные, чавкающие звуки и натужное сопение мужчины. Но самое страшное было не это. Самое страшное было то, что он услышал голос матери — тихий, безжизненный голос, отсчитывающий деньги.

В тот момент под кроватью маленький Кэлвин Харпер умер. А вместо него родился кто-то другой, кто понял: близость — это грязь, а женщина — сосуд для этой грязи, который можно наполнить и опорожнить за определённую плату.

Интернат стал финальной полировкой того бриллианта безумия, которым был Кэлвин. Если дом Долорес был адом хаоса и безразличия, то «Сухой Лог» был чистилищем систематического насилия.

Здесь он узнал вкус крови во рту и ощущение сломанного ребра при каждом вдохе. Старшие ребята были волками, а младшие — овцами для стрижки. Кэлвин был самой тощей овцой в стаде.

Но насилие меняет людей по-разному. Оно либо ломает хребет, либо выпрямляет его до состояния стальной балки.

Кэл выбрал второе.

Он начал наблюдать. Он видел страх в глазах своих мучителей — страх перед директором, страх перед наказанием, страх потерять свой статус «альфы». Он понял главное: сила — это иллюзия. Настоящая сила — это знание чужих секретов и умение дергать за ниточки страха.

А потом была котельная.

Это случилось после того, как Джейк Уолш и его дружки избили его до полусмерти за то, что он «слишком умничал». Кэлвин очнулся от холода. Он лежал на полу у открытой заслонки огромной чугунной печи. Внутри бушевал огонь, ревя как голодный зверь.

И тогда он услышал голос.

Это не был шёпот из печки в спальне интерната — тот был тихим и манящим. Этот голос грохотал вместе с пламенем. Он был сухим и горячим, как сам песок пустыни за окном.

«Боль очищает», — сказал голос.

Кэлвин посмотрел на свои обожжённые руки (как он их обжёг, он не помнил) и увидел не раны. Он увидел знаки. Пустыня говорила с ним напрямую через этот огонь.

«Пустыня заберёт всё лишнее» — прошептал голос из пламени уже тише, доверительно.

И Кэлвин кивнул невидимому собеседнику. Он понял всё.

***

Глава 1. Пыль и соль

Воздух в Сэнди-Крик в тот год был густым, как сироп. Он лип к коже, забивал ноздри запахом креозота и сухой полыни, а к вечеру, когда солнце, похожее на раскалённый медный диск, падало за зубчатый хребет гор, пустыня начинала петь. Это был не ветер. Это был шёпот песка, трущегося о песок, и в этом шёпоте старому шерифу Томасу Риду всегда чудилось что-то похожее на смех.

Рид сидел на крыльце своего дома, который стоял на самой окраине городка, там, где асфальт сменялся гравием, а гравий — просто утоптанной землёй. Дом был старым, с облупившейся белой краской и сеткой от мух на двери, которая давно проржавела. Внутри пахло кофе, пылью и одиночеством. Рид жил один с тех пор, как Марта умерла от пневмонии три зимы назад. С тех пор дом стал казаться ему слишком большим, а тишина — слишком громкой.

Он смотрел на горизонт. Пустыня раскинулась до самого края мира — бурая, безжалостная равнина, утыканная редкими кактусами-сагуаро, похожими на замерших в молитве великанов. Вдалеке виднелись очертания заброшенного ранчо «Сухой Лог». Когда-то там разводили скот, но вода ушла, земля превратилась в пыль, и люди ушли вслед за ней. Все, кроме одного.

Рид сделал глоток остывшего кофе из кружки с отбитой

ручкой. Вкус был горьким, как и его мысли. В последнее время в городе творилась чертовщина. Сначала пропала девчонка Хэнкоков. Просто вышла из дома за молоком к ужину и растворилась в мареве. Потом нашли её велосипед у обочины шоссе 14. Рама была погнута, а на резине остались странные царапины, словно кто-то пытался затащить его в кусты.

А потом пошли слухи. Странные слухи, которые обычно рождаются в барах после третьей порции виски и затихают к утру. Но эти не затихали. Говорили о странных огнях в пустыне по ночам. О пении, доносившемся со стороны «Сухого Лога», когда ветер дул с востока. Говорили о людях — молодых парнях и девушках с пустыми глазами, которые приходили в город за продуктами, но никогда ни с кем не разговаривали. Они просто смотрели сквозь тебя.

Рид знал, кто за этим стоит.

Кэлвин Харпер.

Шериф помнил его ещё сопляком. Долорес Харпер была той ещё штучкой — вечно пьяной, с размазанной помадой и взглядом побитой собаки. Она таскала мальчишку за собой по всем забегаловкам от Барстоу до самого побережья. Кэл всегда был тихим. Слишком тихим для ребёнка. Он сидел в углу на перевернутом ящике из-под яблок и смотрел на мир так, будто знал какой-то секрет, недоступный остальным. Смотрел и улыбался этой своей кривой, не по-детски понимающей улыбкой.

А потом его забрали. Социальные службы. Интернат «Су-

хой Лог». Рид помнил тот день: Долорес орала так, что стёкла в участке дрожали, а Кэлвин просто стоял рядом с чемоданом из дешёвого картона и молчал. Он даже не оглянулся на мать.

И вот теперь он вернулся. Вернулся другим.Солнце коснулось горизонта, окрасив небо в цвет кровоподтёка. Рид поднялся, скрипнув старыми суставами. Пора было закрывать лавочку на ночь. Он уже собирался зайти в дом и запереть дверь на все засовы (привычка старого служаки), когда услышал звук мотора.

Это был не грузовик фермера и не ревущий «Харлей» местных байкеров. Звук был низким, ровным гудением дорогого автомобиля. В Сэнди-Крик такие звуки были редкостью.

Из-за поворота вынырнул чёрный «Кадиллак» 1955 года выпуска — длинный, блестящий хромом гроб на колёсах. Он ехал медленно, словно крался по спящему городку. Машина остановилась прямо напротив дома шерифа, подняв облако пыли, которое медленно оседало в лучах заходящего солнца.

Дверь со стороны водителя открылась плавно, без скрипа. Из машины вышел мужчина.

Он был высоким и худым, как тростник на ветру. Одет он был во всё белое: льняная рубашка с широкими рукавами, белые брюки. Белые волосы были зачёсаны назад и казались почти прозрачными в сумерках. Но больше всего Рида поразили его глаза. Они были не просто тёмными — они были

чёрными дырами на бледном лице.

Мужчина не спешил подходить к крыльцу. Он стоял у машины, положив руку на крышу «Кадиллака», и просто смотрел на шерифа. Улыбки на его лице не было.Рид почувствовал холодок между лопаток. Это было то самое чувство — предчувствие беды, которое он научился распознавать ещё во время войны в Корее.

— Шериф Рид? — голос мужчины был мягким, почти мелодичным. Он не кричал через двор, но каждое слово долетало до крыльца отчётливо и ясно.

— Он самый, — Рид не двинулся с места. Он остался стоять в дверном проёме, положив руку на рукоять револьвера в кобуре.

— Меня зовут Кэлвин Харпер. Хотя теперь меня чаще называют просто Кэл.

Рид кивнул:— Я помню тебя, Кэлвин. Ты вырос.

Мужчина наконец позволил себе лёгкую усмешку:

— Вырос? Нет, шериф. Я проснулся.

Он сделал шаг вперёд. В наступающей темноте его белая одежда казалась светящимся пятном.

— Я пришёл поговорить о пустыне.

— Пустыня большая, сынок. О чём именно ты хочешь поговорить?

Кэл поднял голову к небу. Первые звёзды уже начали прокалывать фиолетовый бархат сумерек.

— О том, что она живая, шериф. Вы чувствуете это? Этот

жар... он не просто от солнца. Это дыхание земли.

Рид нахмурился:

— Ты пьян?

Кэл рассмеялся. Смех был тихим и каким-то... хрустальным.

— Пьян? Я трезвее вас обоих вместе взятых за всю вашу жизнь. Вы живёте здесь всю жизнь и ничего не видите дальше своего носа или дула своего револьвера.

Он перевёл взгляд своих чёрных глаз прямо на Рида:

— Там, у «Сухого Лога», мы нашли истину.«Мы». Вот оно что.

— Девчонка Хэнкоков была у вас? — голос Рида стал жёстче.

Кэл пожал плечами:

— Она искала ответы там, где их нет для таких, как она. Она пришла к нам сама.

— Она несовершеннолетняя.

— Возраст — это иллюзия общества, шериф. В пустыне нет возраста. Есть только пыль и соль души.

Рид шагнул вперёд, спустившись с крыльца на одну ступеньку:

— Ты мне зубы не заговаривай своей философией для бедных, Харпер. Если девчонка у тебя...

Кэл поднял руку ладонью вперёд:

— Тише... Вы слышите?

Рид замер. Он слышал только стрекот цикад и собствен-

ное сердцебиение.

— Слышу что?

— Песню пустыни... — прошептал Кэлвин почти благоговейно. — Она поёт для нас каждую ночь. Она зовёт нас домой.

Внезапно из салона «Кадиллака» донёсся тихий звук музыки. Кто-то включил радио внутри машины? Нет... Это было пение. Высокий женский голос выводил какую-то странную мелодию без слов — то ли колыбельную, то ли молитву дикарей из джунглей.

Рид почувствовал приступ тошноты.

— Кто это?

Кэл улыбнулся шире:

— Это наши ангелы поют вам серенаду перед сном, шериф... Не бойтесь их голосов.

Дверь со стороны пассажира открылась так же бесшумно, как и водительская. Из машины вышла девушка лет семнадцати-восемнадцати. На ней было простое белое платье до пят — такое чистое и белое посреди всей этой пыли казалось чем-то нереальным, почти святотатственным. Её волосы были распущены по плечам медового цвета волной.

Но её глаза... Они были пустыми. Абсолютно пустыми и стеклянными, как у куклы из магазина игрушек Марты перед Рождеством много лет назад.

Она подошла к Кэлу и встала рядом с ним так естественно, словно они были единым целым — белым столбом света

посреди наступающей ночи пустыни.

Кэл обнял её за плечи одной рукой:

— Это Сьюзи... Она хочет вам кое-что сказать.

Девушка перевела свой пустой взгляд на шерифа и открыла рот:

«Пустыня заберёт всё лишнее...»

Её голос был неживым, механическим эхом того пения из машины:

«Она заберёт страх...»

Рид крепче сжал рукоять револьвера под рубашкой:

— Хватит этого балагана!

Кэл посмотрел на него с жалостью:

— Это не балаган... Это откровение. Мы строим новый мир здесь, шериф Рид. Мир без лжи ваших церквей и ваших банков... Мир соли и крови...

Он наклонился к уху девушки Сьюзи и что-то прошептал ей одними губами. Она кивнула так же механически и снова посмотрела на Рида:

«Мы ждём вас у костра...»

Кэл отпустил её плечо:

— Приезжайте завтра на закате к «Сухому Логу». Послушайте песню сами... Если осмелитесь выйти из своей скорлупы страха.

Он развернулся и сел обратно в машину — сначала водительское место занял он сам, затем девушка скользнула на пассажирское сиденье так плавно, словно была бесплотным

духом.

«Кадиллак» взревел мотором (теперь звук казался хищным), развернулся прямо посреди дороги (подняв ещё одно облако пыли) и исчез в темноте так же быстро и бесшумно, как появился.

Рид остался стоять на крыльце один посреди остывающей ночи пустыни Мохааве.

В ушах у него всё ещё звенели слова девушки: «Пустыня заберёт всё лишнее...»

И он знал одно: он поедет туда завтра вечером к «Сухому Логу». Но поедет не один...

Он пошёл в дом за телефоном старой модели с дисковым набором номера. Ему нужно было позвонить человеку из Лос-Анджелеса по имени Дэвид Майлз. Майлз работал в отделе по борьбе с организованной преступностью ФБР и был должен Риду услугу со времён корейской войны — ту самую услугу ценой в жизнь Майлза против пулемёта северокорейцев под Инчхоном.

Пустыня ждала ответа шерифа Томаса Рида... И она знала все его секреты лучше него самого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.